СТОЙТЕ В СВОБОДЕ...

Памяти

Н.И. Столяровой

УДК 821.161.1.0-929 Столярова
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 Столярова Н.
С 81

Редактор-составитель – *М. Алхазова*
Редакторы-консультанты – *А. Карельская, Д. Шаховская*
Компьютерная верстка – *И. Плигин*
Корректор – *Н. Витько*

С81 **Стойте в свободе...** : Памяти Н.И. Столяровой / Ред.-сост. М. Алхазова. – М. : Пробел-2000, 2018. – 436 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-668-6

Судьба Н.И. Столяровой (1912, Генуя – 1984, Москва), полная необычных обстоятельств и драматизма, похожа на увлекательный роман и связана с важнейшими событиями XX в.: революцией, двумя мировыми войнами, сталинским террором. Круг знакомств Н.И. был безгранично широк – от Бориса Савинкова до Ива Монтана. Никакие обстоятельства не смогли сломить её бесстрашия, уничтожить в ней чувство собственного достоинства. Трижды удавалось ей провести за нос всесильное ведомство советской госбезопасности: в 1936-м, когда НКВД пытался её завербовать; в 1965-м, когда под предлогом передачи СССР научного наследия изобретателя К.В. Шиловского она сумела выехать в Швейцарию, и в начале 70-х, когда через А. Андреева была вывезена на Запад рукопись «Архипелага ГУЛАГа». Тайная полиция не простила ей этого, как и многого другого, и через два года после смерти Н.И. разразилась клеветническим фельетоном, изобразив её там как агента ЦРУ, – что, однако, не помешало некоторым публичным фигурам, так же не утруждающим себя доказательствами, говорить о Н.И., как об агенте КГБ. Но вся подвижническая жизнь, вся деятельность Столяровой, доверие к ней таких людей, как В. Шаламов, А. Солженицын, Н. Мандельштам и других достойных её современников, свидетельствуют об обратном – о подвиге неповиновения свободной личности бесчеловечному насилию со стороны государства.

ISBN 978-5-98604-668-6 © «Пробел-2000», 2018

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Героиня этой книги родилась в Генуе, в семье русских эмигрантов-революционеров, в 1930-х приехала в Россию, через два года была арестована, срок отбывала в Карлаге, в середине 50-х вернулась в Москву и сыграла большую роль в неподцензурной культуре СССР – но интерес к ней предопределен не одной насыщенной биографией. И не только принадлежностью к поколению, которое в полной мере могло отнести к себе сказанное в 1914-м Александром Блоком: «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы – дети страшных лет России – / Забыть не в силах ничего / Испепеляющие годы! / Безумья ль в вас, надежды ль весть? / От дней войны, от дней свободы – / Кровавый отсвет в лицах есть».

Под влиянием, в частности, и этих обстоятельств Н.И. был сделан выбор личной и общественной свободы как главной жизненной ценности, как меры достоинства человека, его высокого долга и ответственности.

Независимость, заграничное прошлое, выезды в Европу, «несоветскость» всего облика Н.И., как водится, породили слухи о «тайной» стороне её жизни. Потаенную жизнь Н.И. и впрямь вела – да только совсем иную.

Несмотря на неотступную слежку КГБ, Н.И. удалось, например, передать на Запад солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Всесильное ведомство не простило ей этого так же, как и многого другого, и через два года после смерти Н.И. в газете «Советская Россия» был опубликован клеветнический и угрожающий по тону политический фельетон – в котором, что примечательно, не было сказано, что Н.И. уже нет в живых…

В этом издании собраны архивные материалы, переписка Н.И. с разными людьми, воспоминания о ней, посвященные ей тексты, а также написанное ею самой. Композиция книги требует некоторых пояснений.

Первая часть повествует об истории семьи, детстве и юности Столяровой до её приезда в СССР.

Вторая часть состоит из писем, документов и свидетельств о жизни Н.И. в 1950–1980-е годы.

В третью часть вошли воспоминания о Н.И.

Поскольку почти во всех текстах, кроме архивных и эпистолярных, события изложены не в хронологической последовательности, а так, как они запомнились или стали известны авторам, эти свидетельства помещены в соответствующий им временной или «родственный» контекст. Так, все воспоминания о Н.И. членов разросшейся семьи Столяровых вошли в первую и вторую части.

Дело Н.И. Столяровой из архива ФСБ, переписанное от руки с сохранением всех особенностей подлинника, включая орфографические и фактические ошибки, а также с указанием на заклеенные и недоступные для прочтения места, снабжено некоторыми пояснениями.

Комментарии к текстам сделаны совместно с Мод Мабийяр, написавшей о матери Н.И. – Наталье Климовой – (Mabillard M. La Fleur Rouge. Natacha Klimova et les maximalistes russes. Lausanne, 2007), и Григорием Каном, автором книги «Наталья Климова. Жизнь и борьба» (СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2012). Примечания к мемуарам в большинстве случаев даны их авторами.

В заключение этого предисловия – но по сути в качестве эпиграфа к нему – приношу огромную благодарность всем, кто принял участие в сборнике: рассказал, написал, перевел на русский язык, дал комментарии, помог советом, предоставил фотографии, разрешил публикацию, делал макет – в общем, всем, без кого из этой затеи ничего не вышло бы.

Впрочем, так случилось бы ещё и в том случае, если бы Алексей Плигин не вызвался стать издателем-спонсором этой книги, за что ему низкий поклон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Биографические сведения

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА КЛИМОВА

Революционерка, эсер-максималист, террористка.

Отец – рязанский помещик, присяжный поверенный, председатель Рязанского отдела «Союза 17 октября», член Государственного совета от Рязанского земства; мать – первая русская женщина-врач.

В 1903 г. Н. Климова окончила рязанскую женскую гимназию с золотой медалью и поступила на курсы Лохвицкой-Скалон в Санкт-Петербурге.

В 1906-м, поехав с отцом на Ривьеру, она познакомилась с эсерами; в мае того же года вступила в партию эсеров-максималистов. (Через некотрое время стала гражданской женой руководителя подпольной Боевой организации эсеров-максималистов Михаила Соколова по прозвищу «Медведь».)

30 ноября 1906 г. арестована за участие в покушении на П.А. Столыпина (взрыв на Аптекарском острове).

Находясь в петербургском доме предварительного заключения, Наталья Климова написала «Письмо рязанским друзьям» («Письмо перед казнью»), напечатанное в журнале «Образование» и вызвавшее бурную общественную реакцию.

В 1907 г. Н. Климова приговорена Военно-полевым судом к смертной казни, позже заменённой бессрочной каторгой. Соколов-Медведь повешен[1].

В 1909 г., в ночь с 30 июня на 1 июля, из московской губернской женской Новинской тюрьмы вместе с тюремной надзирательницей Тарасовой бежали 13 политкаторжанок, в том числе Наталья Климова. [«В этом побеге участвовала анархистка Мария Никифорова, будущая атаманша Маруська времён махновщины и Гражданской войны»; «Это тот самый побег, для которого шили одежду бежавшим в семье Маяковских – и сам [Владимир] Маяковский сидел по этому делу (допрашивался в полиции)»; «Побег готовился долго. Для освобождения при-

[1] Соколов Михаил Иванович (п. с. Медведь) (1881–1906) – один из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 г. В 1906 г. возглавил боевую организацию эсеров-максималистов. Казнен в 1906 г. по приговору военно-полевого суда.

ехал заграничный представитель ЦК партии эсеров – "генерал", как называли его организаторы побега Коридзе и Калашников. Планы "генерала" были отвергнуты. Московские эсеры Коридзе и Калашников уже вели "разработку". Это было освобождение "изнутри", силой самих каторжанок» (В. Шаламов)].

Пережидая начавшуюся суматоху по поимке беглянок, Наталья Климова скрывалась на подмосковной даче некого инженера. Калашников и Коридзе были арестованы.Через месяц инженер вывез Наталью Сергеевну как свою жену из города по магистрали Великого Сибирского пути. На верблюдах через пустыню Гоби, на пароходе через океан Климова добралась до Токио, откуда на пароходе приплыла в Италию, затем оказалась в Париже.

В эмиграции Наталья Климова – член Боевой организации ПСР, соратник Бориса Савинкова.

В 1911 г. Н. Климова познакомилась с социал-революционером, боевиком, бежавшим с Читинской каторги, земляком и другом Михаила Соколова-Медведя Иваном Столяровым и вышла за него замуж.

В 1912 г. рождение дочери Натальи; 1913 г. – рождение дочери Екатерины. К этому времени Наталья Климова отошла от революционной деятельности и со страстью отдалась материнству.

В сентябре 1917 г. – рождение третьей дочери (Татьяны), вскоре умершей. Иван Столяров уезжает в Россию, на время, как он думал, оставив жену и детей в Швейцарии.

В 1918-м Наталья Сергеевна делает очередную попытку уехать в Россию и покупает билеты на пароход. Но обе её дочери заболевают гриппом-«испанкой». Ухаживая за ними, заболевает сама Климова и умирает. Детей забирают к себе друзья Натальи Сергеевны. (Их отец Иван Столяров к этому моменту потерял связь со своей семьёй, которую нашёл лишь через пять лет, в 1923 г.)

В советской Рязани, на родине Н.С. Климовой, её именем долго назывался сквер в самом центре города: «На углу Астраханской и Бульварного переулка, чуть вглубь, стоял на присыпанном склоне одноэтажный деревянный дом рязанского адвоката Климова, и был возле небольшой сад. Дом сгорел [в 1940-е],

а земля усадьбы отошла городскому скверу, которому пытались дать название "Пушкинский", потом "Наташин"», – писал рязанский краевед Н. Аграмаков.

В сквере, по свидетельству старожилов, якобы стоял небольшой скульптурный портрет Натальи Климовой. В конце концов, принадлежность Климовой к партии эсеров, очевидно, сыграла свою роль: сквер переименовали, а бюст убрали.

Но до сих пор, и в двухтысячные годы, многие горожане по традиции продолжают называть это место «Наташкин сквер».

Наталья Климова явилась прототипом Натальи Калымовой – главного действующего лица в романе Михаила Осоргина «Сивцев Вражек»; о Климовой написал рассказ «Золотая медаль» Варлам Тихонович Шаламов.

В послевоенный период сбор материалов о Н.С. Климовой был делом энтузиастов-одиночек. Наиболее активно занималась этим, что вполне естественно, дочь Климовой – Наталья Ивановна Столярова.

Рязанский «Мемориал»

Григорий Кан[1]

СТОЛЯРОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился 18 апреля 1885 г. в селе Терса Вольского уезда Саратовской губернии, в семье зажиточного крестьянина-мельника. Судя по всему, ещё в детстве был обучен грамоте. Окончил 6-классную школу в Вольске. Поступил в <…> Мариинское земледельческое училище [где учился вместе с Михаилом Соколовым. – *Примеч. сост.*]. В руководимом Соколовым кружке занимался «распространением среди сельского населения произведений подпольной литературы». Находился под арестом с 1 по 9 ноября 1902 г. и с 4 декабря 1902 г. по 20 августа 1903 года. На допросе отрицал свою виновность. Был выпущен под надзор полиции. Жил в Саратове, откуда скрылся 27 марта 1904 года. Вслед за этим 14 мая 1905 г. дело в отношении Столярова было прекращено за недостаточностью улик.

В 1904–1905 гг. принимал участие в деятельности эсеровских групп в Пензе, Самаре, Баку, Екатеринославе, Одессе. <…> Знал он также И.В. Сталина, о котором впоследствии отзывался как об опасном и жестоком человеке, не заслуживающем никакого доверия.

В декабре 1905 г. в Одесской губернии Столяров связался с какой-то радикальной группой, имевшей в своём распоряжении оружие и бомбы. Вместе с членами этой группы пошёл совершать частную экспроприацию у местного помещика И. Панайоти. <…> Столярова вместе с остальными участниками этого грабежа вскоре задержали. Он был избит при аресте. Просидел девять месяцев в Одесской тюрьме, где участвовал в семидневной голодовке. 24 октября 1906 г. был приговорён местной судебной палатой к восьми годам каторжных работ <…> отбывал наказание на Нерчинской каторге. По дороге оттуда бежал из вагона, перепилив решётку, но вскоре вновь был пойман. В середине декабря 1909 г. вышел на поселение, жил в городе Баргузин Забайкальской области, откуда в ночь с 5 на 6 января 1910 г. скрылся. Побывав за границей, перебрался на Кавказ для партийной работы.

---

[1] Цит. по книге: Кан Г.С. Наталья Климова. Жизнь и борьба. – СПб.: Издательство им. Новикова, 2012. – С. 119–121, 147–149.

Интереснейшие отзывы о Столярове оставил Созонов, много общавшийся с ним на каторге:

«Демократ до мозга костей, человек с "оскорблённой честью" <…> с сильно развитым чувством собст[венного] достоинства. Противник Олимпа и сторонник всякого рода автономий, сторонник аграр[ного] тер[рора] и массового поли[тического] тер[рора] (каждый мундир!). Немножко максималист, но ярый с[оциалист]-р[еволюционер]. Свирепый оратор, в пылу полемики не знающий удержу и границ справедливости… При всём том глубоко честная душа».

<…> В середине марта 1917 г. до эмигрантской колонии в Лозанне дошла весть о Февральской революции. <…> К концу первой декады августа Столяров уже находился в Москве. <…> Он собирался немедленно пойти на фронт, но по каким-то причинам его отказались принять в армию.

Провал корниловского выступления 27–31 августа, которому Столяров, судя по всему, сочувствовал, окончательно отвратил его от стремления участвовать в революции. Он разочаровался в ней остро и резко и, по-видимому, даже до Октябрьского переворота. Последним его политическим действием явилось голосование за кадетов (а вовсе не за эсеров, недостаточно патриотичных в его глазах) на выборах в Учредительное собрание.

<…> В 1920–1930-е годы Столяров в узком кругу отрицательно отзывался не только о Сталине и большевистской власти, но и обо всей своей революционной деятельности. <…>

Однако Столяров не стал возвращаться во Францию, а решил остаться на родине, надеясь, что через какое-то время, когда смута и «всероссийский кошмар» закончатся, жена с детьми приедут к нему.

Москва, расстрельные списки – Коммунарка

Столяров Иван Васильевич. Род. 1885, с.Терса Вольского уезда Саратовской губ.; русский, б/п, обр. высшее, экономист-плановик Всекохудожника, прож. в Москве: пос. Сокол, ул. Верещагина, д. 20. Арест. 29.11.1937. Приговорен ВКВС СССР 21.04.1938 по обв. в к.-р. деятельности. Расстрелян 21.04.1938. Реабилитирован 18.07.1956.

В ПРОКУРАТУРУ СССР

Прокурору т. ФЕДОРОВУ Л.А.

По поводу Вашего запроса об Ив. Ив. Столярове могу сообщить следующее.

Встречала я Столярова в 1910–12 гг. в Париже, во время эмиграции. Заинтересовал он меня как муж Наташи Климовой, известной в то время революционерки. Домами знакомы мы не были, но я знала, что он был в числе лиц, отошедших от работы в партии с.-р. Целыми днями он занимался философией в парижских библиотеках.

В послеоктябрьский период слышала от его приятеля Шимановского, что Столяров живёт в Ленинграде, вторично женился, с успехом работает, не помню, в каком учреждении.

Рассказал, что Столяров увлечён собиранием редких книг и имеет одну из лучших библиотек в Ленинграде.

Вскоре после этого Шимановский обратился ко мне с просьбой помочь освобождению Столярова, который был арестован.

Я обратилась к председателю ОГПУ с просьбой обратить внимание на дело Столярова, так как считала его вполне советским человеком. Помочь ему тогда не удалось.

Ек. Пав. Пешкова _____/Ек. Пешкова/

тел. Б-3-78-29

1 февраля 1956 г.

* * *

Столяров Иван Васильевич попадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».

сотрудник Прокуратуры СССР /*подпись без расшифровки*/

сотрудник Следственного отдела КГБ СССР /*подпись без расшифровки*/

сотрудник Отдела КГБ СССР /*подпись без расшифровки*/

23 февраля 1989 г.

Наталья Столярова

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ШИЛОВСКИЙ[1]

После февральской революции политэмигранты за рубежом оживились, и все, кто был причастен к революционному движению, стали собираться в Россию. Бывший политкаторжанин Иван Васильевич Столяров, бежавший году в десятом из Сибири за границу, оказался к этому времени на юге Франции с двумя детьми и женой, ожидавшей третьего. Столярову казалось невозможным, немыслимым жить в Ницце, когда в России происходит долгожданная революция. Он оставил семью у друзей – уже многодетных бывших политкаторжан – и уехал в Россию.

Его жена Наталья Сергеевна Климова в 1906 году принимала непосредственное участие в покушении на Столыпина на Аптекарском острове и была приговорена к смертной казни. Ожидая суда в Петропавловской крепости, она написала «Письмо перед казнью», которое обошло революционные круги. Казнь ей заменили бессрочной каторгой. А в 1909 году она вместе с 13 женщинами совершила побег из Новинской тюрьмы и тайно уехала за границу. И вот теперь, в 1917 году, она терзалась, что так не вовремя связана детьми по рукам и ногам. В 1918 году Наталья Сергеевна родила и вскоре похоронила третью дочь. Оправившись от этого удара, она переехала в Париж и стала готовиться к отъезду домой. Пароход, зафрахтованный для семей политкаторжан, должен был осенью плыть из Лондона в Кронштадт.

Летом 1918 года Наталья Сергеевна взяла как-то дочек Катю и Наташу в гости к своему земляку и соседу по Рязани – Константину Васильевичу Шиловскому. Он и его прелестная жена Ольга Петровна[2] ласково приняли гостей. Все сидели в столовой и с оживлением говорили о Рязани, о революции, о скором отъезде Натальи Сергеевны в Россию. На Наташу сильное впечатление произвел Константин Васильевич. Стройный, высокий, черноволосый, с бородкой клинышком по тогдашней моде, он показался ей очень красивым. После этого Константин

---

[1] Из книги: Клюкин И.И., Шошков Е.Н. Константин Васильевич Шиловский. – Л.: Наука, 1984. – С. 79–86.

[2] Шиловская Ольга Петровна (урожд. Депрейс, 1871–1926), жена К.В. Шиловского.

Васильевич несколько раз приходил к Наталье Сергеевне. Они сидели вечерами в комнате, где спали дети, и вели тихие беседы о детстве в Рязани, о студенческих годах и революционных кружках и о многом другом, насколько можно судить по дневникам К.В. Шиловского.

Но вот пришла беда – девочки заразились в детском саду испанским гриппом. Наталья Сергеевна отложила все сборы, а вскоре слегла и сама. И тут на помощь пришла Ольга Петровна. Самоотверженно, рискуя заразиться, она ухаживала за больными. Девочки поправились, а Наталья Сергеевна умерла в ноябре 1918 года. Об отце их пока не было ни слуху ни духу, почта в те годы была неровной.

Осенью 1919 года на улицу Люнен в Париже, к дому 15 на такси подъехала дама с девочками. Она поднялась с ними на третий этаж и позвонила. Долго никто не открывал. Она позвонила ещё, и наконец дверь открыл Константин Васильевич. Он извинился, просил располагаться и, сказав, что у него важный разговор по телефону, ушел к себе в комнату. Дама внесла скромный чемодан, поцеловала детей и ушла. Девочки стояли в передней, никого не было. Потом выяснилось, что Ольга Петровна вышла за покупками. Постояв несколько минут, Наташа приняла решение – уйти. Она взяла сестру за руку, открыла дверь и тихонько прикрыла её за собой, не захлопывая. Они спустились и пошли влево, потом направо. В ту пору это была тихая окраина Парижа, машин было совсем мало. Минут через десять их нагнал запыхавшийся Константин Васильевич. Окончив разговор, он вышел к детям и увидел, что их нет и что дверь не заперта. Он бросился вниз, и какие-то прохожие показали, в каком направлении пошли две маленькие девочки. Константин Васильевич был испуган: мало ли что могло произойти на улице – словом, он не сразу успокоился и, когда вел их обратно, крепко держал две маленькие ручки.

Так мы с сестрой стали жить в новой семье, где своих детей не было и где к нам очень привязались. В Ольге Петровне мы обрели вторую мать. Шли годы. Лето 1923 года мы проводили на острове Олерон в Атлантическом океане. Ещё зимой нас с сестрой подготовили к тому, что наш отец, наконец списавшись с друзьями, собирается к нам. Он приехал на дачу на Олерон и очень хотел увезти нас с собой. Недели три до возвращения в город взрослые часами пытались убедить друг друга в правиль-

ности позиций каждого. Константин Васильевич и Ольга Петровна не хотели отдавать нас, они вложили в нас все нерастраченные родительские чувства. Отец же хотел для нас русской школы, русской судьбы. По возвращении в Париж вопрос был наконец разрешен: мы остаемся, продолжаем учиться во французской гимназии, по окончании её поедем в Россию и, кроме того, будем ездить туда на каникулы. Так отец уехал один, но спокойный за нас. И действительно в 1924 году мы поехали в Ленинград и жили у отца целый год. В 1925 году он отпустил нас после настойчивой просьбы Шиловских.

Константин Васильевич и Ольга Петровна Шиловские с Наташей и Катей. 1923 г.

В 1926 году под Парижем на загородной станции Ольга Петровна попала под поезд. Она умерла при нас на третий день. Константин Васильевич рассказывал, что первые дни врачи надеялись её спасти. Он долгие часы сидел у её изголовья, и они вспоминали всю совместную жизнь, трудную и светлую, они успели поговорить обо всем… Мы потеряли в ней вторую мать, дорогого нам человека. Константин Васильевич очень тяжело перенес эту потерю и долго корил себя за многое.

В доме Шиловских в разное время я видела много примечательных людей: бывших политэмигрантов, людей, случайно застрявших за рубежом или добровольно уехавших, людей, приезжавших из России по делам или в командировку. Не было среди них разве что только эмигрантов правого толка. Видела я там бывших товарищей Константина Васильевича по революционным делам, по университетам в Москве и в Германии. Несколько раз, приезжая по делам в Париж, бывал у нас Н.Д. Па-

палекси[1]. Помню, как мы с сестрой шептались, что взрослые, конечно, притворяются, что им нравится этот ужасный деготь – черная икра, которую Николай Дмитриевич привозил из России. Нам она казалась несъедобной. Константин Васильевич всегда живо интересовался всем, что происходило в России, и интерес этот естественно передавался нам. Хотя он был очень занят (он содержал примерно тринадцать человек), мы с сестрой часто проводили вечера с ним, читая вслух или слушая его рассказы о детстве, о Рязани. Помню, как он водил нас на концерты, на две оперы с Шаляпиным. Это было время, когда в музыке, в балете, в живописи гремели русские времена, и он гордился их успехами.

Константин Васильевич вложил в нас много, никогда не впадая в назидательный тон. Его глубокая любовь к России и приверженность к русской культуре никогда не оборачивались, как то нередко было у иных эмигрантов, равнодушием или неприязнью к культуре Запада вообще и Франции в частности. Он со спокойным уважением относился к окружающей его жизни и с тонким юмором отмечал склонность своих соотечественников, не умевших жить у себя дома, учить весь мир, как именно надо жить. Он не раз говорил, что у старой Европы столетиями, в частности с Великой революции 1789 года, вырабатывались традиции уважения к человеку, к личной свободе, традиции культуры быта, одежды, еды, взаимоотношений вне дома и т.д. и что этому нам, русским, ещё следует учиться. Все это не мешало ему видеть отрицательные стороны жизни на Западе. Колониализм и некоторая ксенофобия, свойственная в ту пору Франции, были ему отвратительны. Культ комфорта был ему абсолютно чужд. Его научная карьера была бы неизмеримо успешнее и плодотворнее, если бы он согласился стать гражданином Франции, как ему не раз предлагалось, но он так и не захотел им стать и жил во Франции со своим паспортом, так как чувствовал себя русским.

Отличное знание с детства трех европейских языков очень облегчало Константину Васильевичу общение с коллегами и вообще с людьми, и, хотя гости с земли русской были ему всегда ближе, у него были настоящие друзья и среди французов, англичан, немцев и др.

[1] Николай Дмитриевич Папалекси (1880–1947) – физик, академик АН СССР. Признанный основоположник советской радиоастрономии.

В молодые годы К.В. Шиловский всей душой отдался революции. За ввоз из-за границы запретной революционной литературы он был арестован и посажен в тюрьму. После длительного пребывания в болоте во время побега из тюрьмы он тяжело переболел туберкулезом легких. Уже в годы нашей совместной жизни Константин Васильевич жадно и много работал, удивляя коллег многообразием своих интересов и необыкновенной изобретательностью. Это, однако, не мешало ему радоваться жизни, дорожить семьей, любить природу, музыку, живопись, литературу, иметь множество друзей и знакомых, всегда искавших с ним общения. Люди очень тянулись в его дом, так как вдобавок ко всему Константин Васильевич был блестящим собеседником. Он проявлял особый интерес к философии и несколько раз меня, шестнадцатилетнюю, водил в парижский кружок русских мыслителей. Константин Васильевич не был религиозным, он не принуждал нас ходить в церковь, но по традиции, сохранившейся с детства, на Пасху водил нас в русский собор к заутрене. Помню, что там до сердца моего доходили не служба и не крестный ход, а русская речь толпы, окружавшей храм на улице Дарю, молчание и волнение людей, со сдавленным горлом вспоминавших этот день в России.

Константин Васильевич был чрезвычайно взыскателен к моральной стороне жизни вообще и нашего поведения в частности. Он совершенно не переносил фальши: ложь считалась в доме самым унизительным грехом. И при этом он не любил нетерпимости, узости и легковесности суждений. Благородство и достоинство – вот главное, что царило в этой семье. Константин Васильевич говорил, и я навсегда это запомнила, что лучше много раз поверить дурному человеку и ошибиться именно так, чем один раз не поверить хорошему. В его дневнике записаны слова моей матери: «К каждому человеку надо относиться с трепетом, со страхом недооценить то хорошее, что в нем есть. И ты увидишь, что ошибаться в людях будешь гораздо реже».

...В время шло. Окончив гимназию, я поступила на юридический факультет не из-за тяготения к юридическим наукам, а по совету К.В. Шиловского. Существовала некая русская интеллигентская традиция, в свое время побудившая и самого Константина Васильевича, увлеченного социальными проблемами, поступить именно на юридический факультет Московского университета. Однако через два года я перешла на психологический.

Выбор в те легкомысленные годы определился у меня сроками учебы – я собиралась в Москву, а Константин Васильевич строго предупредил меня: «Без диплома я тебя не отпущу». Мое намерение уехать в Советский Союз (что в каком-то смысле было результатом его воспитания) он воспринимал с пониманием, но и с боязнью за меня и со страхом перед разлукой навсегда.

Осенью 1934 года с дипломом Сорбонны на руках я стала активно собираться к отъезду. Советское консульство помогло мне. Я получила письмо к капитану теплохода «Тимирязев», идущего из Марселя в Одессу. В начале декабря друзья провожали меня на вокзале. До сих пор у меня в глазах высокая фигура Константина Васильевича. Когда поезд тронулся, он отошел от других и долго смотрел вслед уходящему поезду, словно догадываясь, что видеться нам уже не суждено. Перед отъездом он просил меня повидать в Москве его сестер и ближайших друзей – Л.И. Мандельштама[1] и С.Г. Струмилина[2]. С семьей последнего я сразу сошлась, и первая моя работа в Советском Союзе у Станислава Густавовича в СОПСе, а потом в Институте экономики Академии наук[3]. Несколько слов о моей сестре. Катя вышла замуж в 1937 году за художника-итальянца Рино Анци, жившего тогда во Франции. Война застала их в Милане, откуда Рино попал на фронт. Через некоторое время он из действующей армии попал к партизанам, вместе с которыми и воевал до конца войны. Тем временем Кате удалось получить пропуск во Францию «для ликвидации квартиры». Она добралась до Парижа и стала действительно ликвидировать квартиру Шиловских на улице Люнен. Самое ценное из того, что она унесла, был чемодан с бумагами К.В. Шиловского… Катя приняла участие в Сопротивлении Нормандии, в отряде, где была связной. За несколько месяцев до конца войны во Франции Катя везла ночью на велосипеде тяжелый радиоприемник и чуть не попала под немецкий грузовик, слегка её задевший. Она слетела в обрыв, разбила плечо и получила тяжелый удар в голову. Её лечили несколько месяцев в парижском военном госпитале Валь-де-Грас.

[1] Леонид Исаакович Мандельштам (1879–1944) – русский и советский физик, один из основателей отечественной научной школы по радиофизике; академик АН СССР.

[2] Станислав Густавович Струмилин (Струмилло-Петрашкевич; 1877–1974) – советский экономист и статистик, академик АН СССР.

[3] Совет по изучению производительных сил (СОПС). С 1931 по 1957 год С.Г. Струмилин был членом Совета СОПСа.

После войны муж разыскал её и увез в Милан, а оттуда в Швейцарию. Через несколько лет во время родов тот удар в голову обернулся опухолью, её дважды оперировали, и к 40 годам она стала инвалидом. В настоящее время сестра живет в Швейцарии, и вслед за мужем она приняла швейцарское подданство. Муж умер, и она живет на вдовью пенсию.

Что касается меня, то я приплыла из Марселя в Одессу в середине декабря 1934 года. Отец жил в Москве в поселке «Сокол» с семьей. Его стало беспокоить многое: моя прописка в Москве, моя общительность и решительный отказ избегать встреч с некоторыми людьми. С пропиской помогли новые друзья, на работу пригласил С.Г. Струмилин, поступать в университет, как настаивал отец, не поверивший в мое призвание «психолога», я медлила.

В Торговой палате мне предложили поехать во Францию переводчиком на международную выставку. Я позвонила с Центрального телеграфа в Париж и несколько минут говорила с Константином Васильевичем и с сестрой, которые то и дело брали друг у друга трубку. Сказав о том, что меня пригласили переводчиком на парижскую выставку, я внезапно чутьем поняла, что я туда не поеду и что эти дорогие голоса я слышу в последний раз. В отношении Константина Васильевича так оно и получилось, сестру мне все же довелось несколько раз видеть много лет спустя.

* * *

И.В. Столяров – О.П. Шиловской

12-IX-24

Милая Ольга Петровна!

На эту зиму детей я решил оставить здесь, в Петрограде. Думал я об этом очень долго, но договорился и додумался до этого третьего дня. Доводы мои вы всё знаете. Хотел бы сейчас докричаться до Вас так, чтобы Вы меня услышали. Что я твёрдо решил будущим летом их отправить к Вам, чтобы школу они продолжали в Париже. Ни тени посягательства на Ваши отношения в этом нет. Хотелось бы, чтобы не легло никакой тени и на Ваши отношения ко мне. Третьего дня, 10 сентября, я вы-

слушал по этому поводу всё грубое и оскорбительное для меня, что в настоящих условиях по моему адресу сказать можно, от мадам Покровской, которая приехала из Финляндии в Крым и с которой я на один час встретился. Я держал себя в этом разговоре до чрезвычайности нелепо: признавая себя преступником, очень сбивчиво оправдывался. Сцена была неповторимая во всех отношениях.

Проживите, Ольга Петровна, одну зиму без них и дайте мне с ними прожить эту зиму. За девочек Вы можете быть совершенно спокойны. Если они немножко отстанут по школе, то это неважно. Сейчас они вполне здоровы. У Наташи время от времени справляемся о температуре. Всегда 36,6. Очень много бегает. Наташа лазает по деревьям, ходит с Анной Сергеевной далеко гулять. За это лето Катюша купалась дважды в день. Наташа искупалась, должно быть, раз 15 за лето. Мы боялись ей разрешить это. Всё время ходили босые. В Лугу уехали 9 числа, и до сих пор они там. Я жил с ними с 24 июля по 24 августа. Это был мой отпуск. Теперь провожу с ними только воскресенье. Приезжаю в субботу вечером, а в понедельник рано утром уезжаю в Петроград. Лето было удивительное. Пишут, что такого лета не было 150 лет. Под Петроградом второй раз зацвели яблони и рябина. Пасмурных дней было всего два-три. Теперь –

Наташа и Катя у Михаила Сергеевича Климова

прекрасная осень. Из-за холода думаю завтра предложить им переехать, если захотят. Завтра я к ним выезжаю. Теперь они ходят, конечно, уже обутыми. С Анной Сергеевной и Татьяной Сергеевной, младшей сестрой Анны Сергеевны, которая жила с ними 1 ½ месяца, они очень подружились. Ссорятся они только между собой и иногда со мной. С Катюшей редко приходится ссориться, а с Наташей довольно часто. Ссориться приходится главным образом из-за их неряшливости, в особенности с Наташей. И ещё из-за постоянного стремления Наташи выкинуть какую-нибудь особенную штуку – залезть на верхушку дерева, на крышу, через забор и т.д. Обе страшно любят сказки и эксплуатируют в этом смысле Аню. У Катюши имеется Арабик – чёрный, очень невзрачный котёнок, которого она сама ещё здесь в Петрограде нашла и увезла с собой. Она всё время дрожит над ним. Когда ссорится со мной, то в слезах кричит: «Твой Кустик (это мой большой кот) скверный и безобразный!» Такая сцена была раза два. Мне кажется, что я их очень быстро изглаживал. На днях её Арабик нагадил в комнате, и Аня заявила Кате, что его выпорет. Та начала реветь. Тогда Кате был предложен выбор: либо дать Арабика выпороть, либо убрать за ним самой. Она подумала и дала его выпороть с просьбой пороть не очень сильно. Собаку я ей ещё не купил. От занятий летом их удерживали, хотя Наташа очень рвалась.

Разговоры Ани с Наташей заходят очень далеко, и переговорили они уже обо всём. Все вопросы, которые возникают в таком возрасте, Наташей были поставлены очень ясно, и уклониться было нельзя. Мне показалось, что Наташа после этих разговоров стала спокойнее.

Позвольте мне, милая Ольга Петровна, сказать Вам несколько слов о самом себе. Я очень истасканный и усталый человек, и в сознании моём эти мои качества выступают ярче всех других. Прошла зима, и это лето сложилось у меня плохо во многих отношениях. Часто я падал духом. Это я говорю не к тому, чтобы предохранить себя от Вашего ответа, чтобы Вы не хлестнули меня, а к тому, чтобы Вы лишний раз почувствовали, что дети для меня всё. Это они меня держат на ногах. Это потому я двигаюсь, работаю, что они есть. Одним словом, я не мог допустить в решении вопроса о них какой-либо неосторожности. Кажется, мною всё взвешено. С самой горячей мольбой обращаюсь к Вам, Ольга Петровна, потерпите. Дети ваши и от Вас не уйдут.

Ни на один миг такой мысли во мне не рождалось, чтобы они от Вас ушли.

Около детей мы локтем толкать друг друга не будем. Около них мы не можем поссориться и разговаривать в таких тонах, как это был случай с мадам Покровской. Услышьте меня, Ольга Петровна, и соберитесь с духом.

Я полагал раньше устроиться со службой за границей. Теперь у меня никаких надежд на это нет.

Целую Вашу руку. Привет Константину Васильевичу.

Мне очень, очень тяжело сознавать, что я могу причинить боль людям, которые спасли моих детей.

Моей благодарности и моей любви к вам Вы верите?

Преданный Вам Ив. Столяров.

* * *

И.В. Столяров – К.В. Шиловскому

24 февр. 1926

Милый Константин Васильевич!

Сегодня через Анну Сергеевну получил письмо от Наташи от 15 февраля.

Захлёстнутый мелкими заботами, ничтожными ежедневными страхами, я только сейчас встаю лицом к лицу перед навсегда потерянным счастьем иметь своим ангелом-хранителем Вашу Ольгу Петровну. Заботы, страхи и отчасти личная ревность и моя житейская мелкая возня, как туман, закрывали от меня ослепительный образ самой удивительной женщины, какую я когда-нибудь встречал. Все моменты крайнего отчаяния и душевного смятения последних четырех лет меня неизменно толкали к мыслям об ней. Сейчас нет ни слов, ни мыслей, ни выводов у меня. Есть невыразимая боль. Без страха за девочек и с уничтожением страха за всех нас. Как ни смертельно жаль, что я не упаду к ступеням Иверской Богоматери со своим запоздалым покаянием и скорбью. Мне даже шепнуть об этом некому. Кроме Вас и Наташи.

Мой стыд за боль, которую я причиняю человеку, самому дорогому для меня, отступает перед непреложной торжественностью факта. Простите меня, милый Константин Васильевич,

мои лишние слова. Мне хочется сейчас быть с Вами. И если бы я был с Вами, то я бы ни одного слова сказать не мог. Боли моей нет меры, но мне с ней стыдно перед вами появиться, хочу только сказать Вам, что я чувствую Вас, Вашу боль, гроб, землю, Ваши комнаты. Милый, простите меня. Не откажитесь принять моё участие как сердечный порыв родного человека.

Наташе я не могу сейчас писать. Поцелуйте её и Катю.

Ваш Ив. Столяров.

Екатерина Столярова-Анци

Мод Мабийяр

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Климова Наталья Сергеевна. Биографическая справка 7
Столяров Иван Васильевич. Биографическая справка 10
Наталья Столярова. «Константин Васильевич Шиловский» 14
Письмо И.В. Столярова О.П. Шиловской 20
Письмо И.В. Столярова К.В. Шиловскому 23
Мод Мабийяр – Екатерина Столярова-Анци «Моя Наташа» 25
Г.С. Кан «Столяровы» 36
Борис Поплавский «Над солнечной музыкой воды» 47
Александр Богословский «Домой с небес» 58
Ответы Н.И. Столяровой на вопросы, заданные А.Н. Богословским 63
Наталья Столярова «Вместо послесловия» 71

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Варлам Шаламов «Нерест» 75
Письма Н. Столяровой Иде Карской 77
Дело № 11704 81
Евгения Гинзбург «Весь Коминтерн» 102
Александр Солженицын «Наталья Ивановна Столярова и Александр Александрович Угримов» 106
Письмо Н.И Столяровой А.И. Солженицыну 131
Юрий Фрейдин *(В качестве примечания)* 134
Н.Я. Мандельштам «Оправданье времени» 135
Письма Н. Столяровой Н.Я. Мандельштам 148
Наталья Столярова «Я сегодня дежурю у Надежды Яковлевны» ... 159
Письмо Н. Столяровой Ю. Фрейдину 163
Письма Н. Столяровой А.А. Ахматовой 164
Письма Н. Столяровой Ю. Домбровскому 169
Из архивного фонда А.А. Суркова. Справка по поводу Е. Анци 171
Алёша Анци. Воспоминания 175
Письма Н. Столяровой А. Эфрон 186
Переписка В.Т. Шаламова с Н.И. Столяровой 189
Фрагменты воспоминаний Л.В. Хохловой 207
Фрагменты воспоминаний О. В. и Л.Г. Климовых 219
В.О. Климова. Воспоминания 245
И.С. Нейштадт. Из книги «Две Наташи» 252

Из справочника «Писатели Москвы» 260
Письмо Н. Столяровой Т. Варшавской 262
Письма Н. Столяровой С. Татищеву 263
Письмо Н. Столяровой Н.Н. Берберовой 270
Дневники Н.В. Кинд (1981–1982) 272
Письма Н. Столяровой Н. Кинд 281
К. Юрьев «Операция “Фонд”» 285
Борис Чехонин «В коридорах Кремля и КГБ» 293

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ив Аман «Ева» 299
Ирена Вейсайте 308
Виктор Дзядко 310
Электрон Добрускин 318
Клара Домбровская-Турумова 320
Евгений Евтушенко 325
Игорь Коган «Она всегда возвращалась» 326
Вера Лашкова 330
Зинаида Левина 345
Николай Милетич 350
Елена Мурина 355
Елена Пастернак 367
Зинаида Перегудова 374
Марина Поливанова 379
Татьяна Птушкина 382
Надежда Рожанская 391
Людмила Сергеева 398
Наталья Солженицына 405
Алексей Сосинский 406
Юрий Табак 412
Варвара и Никита Шкловские-Корди 419
Виктор Некрасов «Pont Neuf я обхожу сейчас стороной» 424

Литературно-художественное издание

СТОЙТЕ В СВОБОДЕ...
Памяти Н.И. Столяровой

Подписано в печать 21.03.2018 г.
Формат 60x90/16. Объем 27,25 печ. л.
Гарнитура «Minion Pro». Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru

ISBN 978-5-98604-668-6

